

Писательство как ремесло — оно уже не такая диковина, как лет десять с лишним назад.

Хань Сюнь представил Чэнь Дуна как «писателя», и несколько дядюшек, протянув «о-о», между делом завели болтовню:

— Романы пишешь, что ли?

— Да вроде того... — невнятно проговорил Чэнь Дун. — Стихи, эссе, романы — всё пишу, всё пишу. В последнее время осваиваю новый жанр — детскую литературу.

Та тётушка в красном была активнее всех:

— У моей дочери сосед тоже писатель, причём довольно известный! Вступил в Союз писателей, по роману сняли сериал, получил несколько премий, говорят, неплохо заработал, купил новую квартиру, жена постоянно за границу ездит путешествовать, ребёнок учится в ведущей школе города. Кстати, а как называется твоё произведение, в «Синьхуа» оно есть? Мы потом тоже пару штук купим, как следует почитаем!

Вот это да.

Ну как у человека получается каждой фразой так точно наступать на коротенький хвостик Чэнь Дуна!

Смущённое лицо его аж залилось краской. Он держал в руках чашку с кофе и клевал её глоток за глотком.

Говорят, кролик — животное, которое очень легко впадает в стресс. На самом деле хозяин кролика тоже.

В природе кролик, стоит хищнику зыркнуть на него разок, тут же притворяется мёртвым. В кофейне же хозяин кролика, окружённый дядюшками и тётушками с расспросами, на сколько квартир он заработал писаниной, скорбно думал, почему бы ему не скончаться скоропостижно прямо на месте.

Если бы на Олимпиаде был такой вид соревнований, как «Чья зарплата сына больше, чей диплом дочери выше, кто из соседей сколько квартир купил, чья домашняя собака умеет нести яйца, чья дворовая курица умеет приносить газету», то дядюшки и тётушки из парка точно прославили бы родину и добыли стране ещё несколько золотых медалей.

В такой неловкой обстановке Хань Сюнь снова, не оставив следа, вызволил его.

— Мы ведь собирались голосовать? — Хань Сюнь держал в руках стопку бумаги. — Тётушка,

посмотрите, эта бумага подойдёт?

Это была тетрадка в клеточку-«□»: неизвестно какой младшеклассник (нарочно) оставил её в кофейне, исписана с одной стороны, только у каждого иероглифа не хватало рук-ног, иероглифы заимствовали друг у друга радикалы, учитель рядом наставил несколько красных крестов и назначил переписать сто раз. Жаль, эта тетрадь пролежала в бюро находок целый месяц, а хозяина так и не нашлось, и теперь как раз кстати разрезать её на бюллетени для голосования.

Тётушка и впрямь отвлеклась, приняла бумагу и унесла раздавать своим старым товарищам.

Чэнь Дун облегчённо выдохнул и беззвучно, одними губами, поблагодарил Хань Сюня.

— Прости, что побеспокоил тебя, — тихо произнёс тот.

— Нет-нет-нет... — голова Чэнь Дуна замоталась, как погремушка-барабанчик. — ...Ты же знаешь, я сейчас ещё не вошёл в состояние письма, так что это и не помеха.

— Тогда желаю тебе сегодня пораньше в него войти. — Хань Сюнь протянул ему лишний лист бумаги и ручку. — Если понадобится больше бумаги для плана, можешь брать у стойки сколько угодно.

Чэнь Дун дрожащей рукой принял тот клетчатый листок и почувствовал, что лицо у него вот-вот покраснеет, как те красные кресты на нём.

.....Ну почему никто никогда не говорил ему, что быть объектом столь откровенной тайной влюблённости — это вот такое чувство.

Он торопливо сделал ещё глоток ледяного кофе, чтобы успокоиться, снова спрятался за экраном компьютера, открыл документ и заставил себя войти в рабочее состояние.

Он три минуты двадцать секунд усердно сражался с совершенно пустым документом, а потом его внимание неуправляемо уплыло в сторону кружка бальных танцев «Багряный закат».

Это, конечно, потому, что дедушки и дядюшки галдели слишком громко, и Чэнь Дун волей-неволей отвлёкся...

.....Словом, абсолютно невозможно, чтобы причина была в том, что он за работой вечно тянет волюнку.

В кружке бальных танцев изначально было двенадцать человек. За столько лет, с приходами и уходами, со сменой людей, руководитель тоже менялся не раз, на нынешний момент состоит

восемнадцать, сегодня по факту явилось пятнадцать.

— Почему не хватает троих? — пробурчала тётушка в красной юбке. — Разве вчера в группе не оповещали? Тогда все сказали, что придут, и почему кто-то так неорганизован и недисциплинирован?

Один седовласый дедушка отозвался:

— Ты что, ленту в Моментях не смотрела? Дочь с зятем «Идеального совершенства» повезли её путешествовать, сейчас как раз на горе Лушань. Она в день штук по двадцать с лишним фото выкладывает, ты что ж ей даже лайк не поставишь?

— «Лotosовый пруд в лунном свете» тоже у меня отпросилась, внучка температурит, ей надо дома за ней ухаживать. — Другая тётушка, похоже, была в танцевальном кружке важной фигурой: даже отпрашиваться полагалось, уведомив. Волосы у неё были завиты в мелкие кудряшки и неким очень замысловатым способом высоко уложены, издали похоже на маленькую горную вершину, и неизвестно, сколько мусса на них ушло — муха сядет и та поедет на шпагат.

Тётушка в красной юбке поджала губы и продолжила допытываться:

— А кого ж тогда не хватает, последнего? Это того самого «Жизнь как чай», он уже полмесяца в группе не пишет, на прежние репетиции тоже не ходит. Он вообще собирается участвовать в вечерней встрече района в следующем месяце или нет?

Стоило ей это произнести, как вся кофейня вдруг затихла. Несколько дядюшек переглянулись, обменялись весьма сложными взглядами и тихо проговорили:

— «Цветёт богатство и роскошь», ты что же, до сих пор не знаешь?

Тётушка в красной юбке (она же «Цветёт богатство и роскошь») нетерпеливо спросила:

— Не знаю чего?

Седовласый дедушка покачал головой:

— «Жизнь как чай»... Он больше никогда не придёт.

Услышав это, скрючившийся за экраном компьютера Чэнь Дун, который старался по возможности понизить уровень своего присутствия, весь вздрогнул, украдкой высунул голову из-за экрана и осторожно стал наблюдать за лицами собравшихся.

В голове у него всплыла несколько печальная догадка.

.....«Жизнь как чай», уж не «человек ушёл — чай остыл» ли?1

1. «Человек ушёл — чай остыл» — о том, как с уходом человека про него тут же забывают. Из-за ника «Жизнь как чай» Чэнь Дун решает, что дедушка умер.

У этого танцевального кружка средний возраст на вид лет семьдесят, и если кто-то из участников во сне дошёл до конца своего жизненного пути — это тоже вполне возможное дело.

При этой мысли на лице Чэнь Дуна проступило терзающееся, скорбное выражение, в нём опять высунула голову та чувствительная сторона, что присуща писателю.

Жизнь коротка и мимолётна, десятки лет — взмах пальца, время всегда самая жестокая вещь...

Чем больше парень думал, тем больше предавался переживаниям. За панорамным окном кофейни ветерок скользнул по веткам, листья, покачиваясь, опали на землю.

Эта картина растрогала ещё сильнее, он шмыгнул носом и поскорее сделал большой глоток латте, желая придавить печаль в сердце.

Всё это время молчавший Хань Сюнь задал за него вопрос, что был у того на сердце:

— А почему «Жизнь как чай» больше никогда не придёт?

Седовласый дедушка протяжно вздохнул:

— «Жизнь как чай» — он предал нашу организацию!

Хань Сюнь: «.....?»

— Он высокого роста, и его переманила команда пожилых моделей! — продолжил старик. — Тьфу, всего-то запасной участник, ещё неизвестно, выпустят ли его на подиум, а он уже нос задрал!

— Пфф— кхе-кхе-кхе-кхе! — Чэнь Дун совсем не ожидал, что причина окажется такой. Он не успел проглотить глоток латте и прямо изо рта его выплеснул.

В тот же миг взгляды всех сосредоточились на его лице.

Лицо парня побагровело, и непонятно, то ли оттого, что поперхнулся, то ли от неловкости:

— ...Этот кофе немного горячий.

Хань Сюнь приподнял бровь, и взгляд этот словно спрашивал: «Ты уверен, что ледяной латте очень горячий?»

Чэнь Дун притворился, что не заметил, взял бумагу с ручкой и принялся что-то черкать-рисовать в клеточках.

Издревле голосование и подсчёт голосов — на самом деле всего лишь формальность. Как и следовало ожидать, итог вышел таким, как Чэнь Дун и думал: тётушка в красном (ака Цветёт богатство и роскошь) вырвалась вперёд и благополучно была избрана на пост руководителя районного паркового кружка бальных танцев нового созыва.

Тётушка от радости расплылась — рот до ушей, и с семью частями притворства и тремя частями скромности сказала:

— Ай-я, вообще-то я и не думала становиться руководителем....

Сидевший напротив дедушка тут же заявил:

— «Цветёт богатство и роскошь», если ты и правда не хочешь, то я могу стать вместо тебя.

Тут она резко сменила тон и обе руки призрачно сжала в воздухе:

— Но ведь столько старых сестриц отдали за меня голоса, я, конечно же, не могу обмануть всеобщих ожиданий! Прошу членов кружка не беспокоиться, я непременно поведу наш кружок бальных танцев «Багряный закат» обратно к вершине, прославлю и приумножу наши пожилые бальные танцы!!

Договорив, стоявшая рядом тётушка с уложенной причёской первой захлопала в ладоши и громко сказала:

— Мы верим руководителю «Цветёт богатство и роскошь»!

Подхваченные ею, остальные дядюшки и тётушки тоже принялись хлопать.

Потом они ещё полчаса просидели в кофейне, горячо обсуждая такие ключевые вопросы, как: разучивать ли новый танец; как ставить новое построение; как распределять партнёров в паре и прочее, пока кипяток в их руках совсем не остыл, тогда они, так и не насытившись, ушли.

Перед уходом они ещё договорились через несколько дней в это же время снова встретиться в кофейне, и тогда новый руководитель «Цветёт богатство и роскошь» привезёт всем поставленный ею новый танец.

\*\*\*

Толпа разошлась, в кофейне вновь воцарилась тишина. Теперь в этом пустом зале наконец остался лишь один посетитель.

Хань Сюнь принёс инструменты для уборки, очищал столы и пыль на полу, собирал оставленные стариками одноразовые бумажные стаканчики.

Что до того единственного клиента, он сейчас с серьёзным выражением лица уставился в экран компьютера. Только вот внимание Чэнь Дуна, конечно же, было вовсе не на работе. Взгляд его блуждал — две секунды смотрел в документ, потом стремительно перескакивал на две секунды на длиннющие ноги официанта, затем ещё две секунды на документ, а потом по-воровски ускользал к фартуку официанта...

Хань Сюнь бросил одноразовые стаканчики в мусорное ведро и вдруг, без предупреждения, обернулся. Его взгляд прямо столкнулся со взглядом Чэнь Дуна.

Чэнь Дун: «!»

Притворяться в такой момент, что набираешь текст — это, по правде, шито белыми нитками.

Хань Сюнь добродушно улыбнулся:

— Господин писатель, что-то случилось?

Чэнь Дун, поломав голову, через силу нашёл тему:

— Просто... Просто мне кажется, что держать кофейню довольно непросто.

— Почему так?

— Только что пришло больше десятка клиентов, но эти старики купили всего две чашки кофе, остальные все пили бесплатную воду, да ещё извели столько бумажных стаканчиков... Средний чек слишком уж низкий! Так ведь прогореть можно насмерть!

На самом деле Чэнь Дун про себя втихаря прикинул выручку этой кофейни: такой большой магазин, аренда меньше чем в несколько сотен тысяч в год не обойдётся, ремонт тоже

несколько сотен тысяч, в год без малого миллион вложен, а кофе, что продаётся каждый день, приносит-то всего ничего... Да ещё в будущем очень вероятно станет (бесплатной) комнатой досуга для пожилых!

Хотя эти деньги к Чэнь Дуну отношения не имеют, даже если они уйдут как в воду — в его карман не попадут.

Но он всё равно переживает!

....Если эта кофейня не сможет продолжать работать, то разве он еще увидит длинноногого официанта из этого заведения?

Он ведь ещё своими руками не измерил длину ног Хань Сюня!

Чэнь Дун не удержался и затарахтел:

— В других кофейнях клиенты — все утончённые белые воротнички, у каждого по эповскому компьютеру, обсуждают сделки на миллиарды, они на чашку кофе за 48 юаней глазом не моргнут. А в этой кофейне каждый день встречают-провожают то младшекласников, то стариков, они вообще не основная потребительская аудитория кофе. Ты бы не предложил своему боссу продавать какие-нибудь другие напитки, ну там молочный чай, сок, да хоть бы и зелёный чай сойдёт — вот так можно поднять средний чек!

Он говорил-говорил, и голос его стал тише, потому что с запозданием осознал, что лезет уж слишком не в своё дело.

Он всего лишь (нищеврод, который каждый день берёт самый дешёвый американо со льдом и сидит в кофейне целый день) клиент, а так вершит судьбами — не сочтёт ли Хань Сюнь его надоедливым?

К счастью, во взгляде того не было ни капли нетерпения.

Он молча дослушал высокопарную тираду гостя и ответил:

— Твоё предложение я передам боссу. Что до среднего чека... Я, по правде, не очень-то об этом задумывался. Сейчас время затишья, и мне хочется, чтобы эти дядюшки и тётушки заходили: пусть в заведении будет поживее. — Он сделал паузу и спросил: — Или... Великий писатель, ты считаешь, что людей слишком много и это мешает тебе писать?

— Только не называй меня великим писателем! — Чэнь Дун покраснел и поспешно замахал руками. — Не достоин, не достоин.

— Ты написал столько книг, конечно же, ты великий писатель.

Чэнь Дун покачал головой и весьма скромно проговорил:

— Я правда никакой не великий писатель. Я всего лишь новичок, только-только ступивший в литературный мир, исследователь детской психологии и поведения, любитель литературы с тощим карманом, но богатым духом, покоритель, что пытается взойти на вершину, аскет-странник в поисках собственного пути, отважный путешественник-исследователь мира, то оптимист, то пессимист INFP2, только и всего!

Хань Сюнь: «.....»

Он отложил метлу и пульверизатор со спиртом, выпрямился и оглядел кофейню.

Чэнь Дун в недоумении:

— Что ты ищешь?

— Пришло столько народу, как так вышло, что заказали всего одну чашку кофе? — отозвался Хань Сюнь. — Гляжу я на средний чек по твоему счёту — он тоже не больно-то высок.

Чэнь Дун: «.....»

2. Неформально INFP называют «Посредником» или «Мечтателем» — это тип, который ассоциируется с идеализмом, богатым внутренним миром, чувствительностью, творческой, склонностью к рефлексии и эмоциональностью. В поп-психологии и интернет-культуре (особенно в Китае, где MBTI очень популярен) INFP — почти мем про раннего романтика-интроверта, который много фантазирует и живёт в своей голове.

<http://bllate.org/book/17866/1707842>